

«Вот стою я перед вами словно голенький»

Известия - 2005 -
9 апр. - с. 7.

В прежние времена, которые пожилая часть нашего населения по старой памяти называет добрыми, у обманутых жен и брошенных любовниц был верный способ если не вернуть изменщика коварного, то хотя бы как следует ему насолить: пожаловаться в партком по месту работы паскудника. А поскольку аморалка в ряду смертных советских грехов шла следом за изменой Родине, а в чем-то ее и предвосхищала (даже лозунг такой был: сегодня ты изменил жене — завтра изменишь Родине), то на про штрафованного члена партии немедленно заводилось «персональное дело». А дальше — по Галичу:

Ой, ну что ж тут говорить,
что ж тут спрашивать!
Вот стою я перед вами словно голенький:
Я с Нинулькой гулял с тетипашиной —
И в «Пекин» ее водил, и в Сокольники.

А из зала все кричат: «Давай подробности! Все как есть!» Потом, само собой, строга с занесением и требование восстановить советскую семью образцовую — ячейку коммунистического общества.

Кстати, в те же суровые времена телевидение было мощнейшим идеологическим институтом и могло бы, будь на то высшая воля, послужить делу всенародного осуждения и воспитания неверных мужей или ветреных возлюбленных. Но воли не было, и ТВ до «персоналок» не дошло, оставив их своим преемникам — вольным сынам эфира, сообразившим, что частная жизнь людей, особенно знаменитых на всю страну, — это форменная «золотая жила», которая в отличие от природных ресурсов никогда не иссякнет и позволит кормиться за ее счет и самим вольным сынам, и публике, по-прежнему жадно взыскующей подробностей.

«Публика в зале возбуждается. Малахов едва не прыгает: «Итак, сегодня развеял еще один миф об идеальной семейной паре»

На этой неделе в повестке дня общего собрания программы «Пусть говорят» значилось «персональное дело» артиста Евгения Жарикова. Ведущий собрания Андрей Малахов огласил суть «дела»: «После 30 лет счастливого брака с актрисой Натальей Гвоздиковой выяснилось, что всенародно любимый актер на протяжении многих лет жил двойной жизнью и растил на стороне двух малолетних детей».

В кресле обвинительницы, то есть главной героини собрания, — «женщина, которая была практически второй женой Евгения Жарикова». Она-то и родила артисту «двух малолетних детей», которых он, по ее словам, страстно желал, некоторое время холит и лелеял, а потом бросил и теперь знать не желает. В подтверждение этих слов Малахов демонстрирует эксклюзивное домашнее видео: вот отец читает малышам сказки Чуковского, вот гуляет с ними в парижском «Диснейленде», вот жарит вместе с ними шашлык на даче.

Публика в зале возбуждается. Малахов едва не прыгает: «Итак, сегодня развеял еще один миф об идеальной семейной паре». Мужчины в студии вступаются за Жарикова: «Мужчина биологически отличается от женщины». Малахов предлагает зрителям обсудить это в высшей степени оригинальное мнение. Тетки, выхватывая микрофон друг у друга, кричат, что, мол, все мужики сволочи и доверять им нельзя, так и норовят при каждом удобном случае пойти «налево».

Героиня и ее защитники путаются в показаниях. То получается, что Жариков бросил незаконную жену и детей, то, напротив, что она его, то выходит, что ей от него ничего не надо, кроме внимания к детям, то всплывают суммы, которые она в судебном порядке требует от артиста на содержание детей, причем суммы тоже все время фигурируют разные.

Героиня пытается представить себя благодетельной матерью, явившейся на программу с одной целью: предупредить других женщин о коварстве мужчин и заставить других мужчин нести ответственность за собственных детей. Но попутно проговаривается, что лично известила законную жену своего избранника о его двойной жизни («считала своим долгом») и сообщила детям,

что с папой случилось несчастье: в его душу вселился дьявол, а прежнюю, хорошую, душу Господь забрал на небо.

В студии начинает твориться невообразимое. Пожилая уважаемая артистка кричит в лицо «истице»: «Вы обыкновенная интриганка и шантажистка». Другая артистка, прославившаяся не столько сценическими достижениями, сколько воспоминаниями о любовной связи с женатым, очень популярным и уже покойным артистом, в немилых для прайм-тайма выражениях фактически называет героиню проституткой. Немногие разумные голоса (мол, не надо влезать в чужую постель и судить частную жизнь людей) тонут в базаре, хотя непонятно, зачем носители этих голосов согласились на участие в программе.

Обвиняемого в студии нет, но у ведущего припасен сюрприз: «Жариков согласился прокомментировать эту трагическую ситуацию».

Лучше б не комментировал! Оговорившись, что никто не вправе обсуждать подобное публично (кто бы спорил!), пожилой артист присовокупляет к уже прозвучавшим из других уст обвинениям в адрес своей бывшей избранницы обвинение в убийстве тещи, не вынесшей обрушившегося на семью позора, называет себя не отцом, а донором и признается в любви к жене и покаянии перед ней и Господом Богом.

Слушайте, да это покруче советских парткомов с их «персоналками» будет. После тех несчастный «ходок» ну прибавки к жалованью лишился, ну на товарищей по работе некоторое время не мог глаз поднять.

А после такого эфира впору удавиться. Тем более популярному артисту, постоянно живущему на виду у зрителей, тем более — членом его семьи, тоже людям публичным.

Но главное — все другие публичные и популярные, трепещите! Пришел и на улицу обиженных или брошенных вами партнеров праздник! Отольются кошке мышкыны слезки! Им и так несть числа — мнимым и настоящим «женам художников», утверждающим, что растят детей от «Иванушек International» и Кобзона. Им и так несть числа — сумасшедшим, фанаткам и просто корыстным девицам, норовящим залезть под одеяло к знаменитости в надежде на перемену жизни (знаменитости, впрочем, тоже хороши, но какой дурак откажется от того, что само в руки плывет).

Теперь же для всех этих «героинь» наступила не жизнь, а малина. Их встретят с распростертыми объятиями на главном (да, в принципе, на любом) канале страны, посадят в «геройское» кресло и устроят шоу на весь мир. И не беда, что после такого шоу умрет от инфаркта чья-то теща, или наглотеется снотворного чья-то жена, или плюнет в лицо отцу сын. Зато программка получится на славу, рейтинг зашкалит: ведь публика страшно любит подробности из жизни знаменитостей, а ТВ и существует для нее, сердечной.

Конечно, за клевету можно и в суд на ТВ подать, но мало кто из публичных людей до этого доходит. Знают, что выйдет себе же дороже. ТВ и из суда устроит шоу, выставив оппонента на всеобщее осмеяние.

Неделей раньше в студии «Пусть говорят» не менее горячо обсуждали развод Пугачевой и Киркорова. Представители желтой прессы, ссылаясь на результаты собственных расследований, с пеной у рта доказывали, что брака-то и не было — была лишь PR-акция, необходимая для повышения падающей популярности стареющей «примадонны» и раскрутки начинающего красавчика-певца. Другие участники программы настаивали, что Пугачева давно «кончилась», а Киркоров и не начинался. Зрительницы в студии клялись больше не красить волосы «под Пугачеву» в рыжий цвет, утверждали, что у нее давно нет голоса, и норовили вцепиться в глотку тем, кто, напротив, объявлял Аллу Борисовну «нашим всем» или до небес возносил Филиппа.

Любой нормальный человек на месте Пугачевой с Киркоровым либо подал бы на ТВ в суд, либо публично вызверился: «Пошли к черту! Не ваше собачье дело!» Однако наши герои не только не гnevаются, но и сами просят сообщить стране и миру о произошедшей в их жизни перемене интимного свойства. Стало быть, дело это взаимовыгодное: звездам — PR, телевидению — купец, то есть зритель. Главное — не комплексовать подобно незадачливому герою песни Галича: «Вот стою я перед вами словно голенький». «Обнаженка» сегодня тоже товар.